

Доказательство силы

Автор:

Виктор Точинов

Доказательство силы

Вадим Юрьевич Панов

Виктор Павлович Точинов

Тайный Город #28

Иногда даже жители Тайного Города не понимают, где заканчиваются старинные легенды и начинается реальная история. Чего уж говорить об обычных людях, волею судьбы оказавшихся в центре удивительных событий, вызвавших к жизни силы столь могущественные, что растерялись даже величайшие маги. Крым и Ладога, пещеры и погружения под воду, рыбалка, закончившаяся смертью, и смерть, двадцать лет спасавшая жизнь человека, – в этой истории смешалось всё. И не для всех она закончилась счастливо.

Вадим Панов, Виктор Точинов

Доказательство силы

© Панов В. Ю., Точинов В. П., 2017

© ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Большое озеро, сравнимое по размерам с морем, – это талассократический мир, находящийся под властью Воды. А теллурократические силы осуществляют власть Земли. Между силами Воды и Земли всегда существует напряженность, и нет ничего опаснее, чем оказаться на линии их соприкосновения. Остров на озере, со всех сторон окруженный водой, которая, в свою очередь, со всех сторон окружена земной твердью, – это место двойного пересечения миров. Место столкновения энергий.

Место противостояния.

Пролог

Tuba mirum spargens sonum

15-16 августа 1991 года

Турбовинтовой «Ан-12» неспешно выкатился с ВПП на рулежную дорожку, какое-то время ехал по ней, остановился, окончательно утихомиривая уставшие в полете винты, и сразу же принялся открывать задний грузовой люк.

«Зачастили они, – лениво подумал капитан Дибич, разглядывая самолет. – Торопятся...»

Это был уже второй транспортник за те три четверти часа, что он провел в Бельбеке. Причем первый «Ан-12», разгрузившись, сразу же отправился в обратный полет, без заправки и отдыха экипажа. Русская армия возвращалась домой. Уходила спешно, оставляя, а точнее, бросая европейские базы в режиме аврала, когда срок исполнения – вчера. Победители уходили так, словно будто проиграли...

Дибич старался гнать подобные мысли, но они возвращались, разъедая душу соляной кислотой. Возвращались, несмотря на жесткий внутренний приказ «Не рассуждать!» и требование к себе «Служить!». Потому что сейчас, когда ни черта не понятно, честному офицеру оставалось лишь одно – исполнять свой долг. Именно эти внутренние установки не позволили Дибичу скрыть от

руководства таинственную находку в надежде приберечь информацию, чтобы в дальнейшем использовать ее к собственной выгоде, и именно поэтому он ждал сейчас человека, примчавшегося из Москвы на простом, не приспособленном для комфортной перевозки пассажиров «Ан-12».

И когда на пандусе появилась знакомая фигура полковника Градова, капитан внутренне подобрался.

На самом деле фамилия спускающегося по пандусу человека была иной, а в полетном листе вообще фигурировала третья, псевдоним качественный, с хорошей легендой, но псевдоним. И еще он, возможно, не был полковником, но часто использовал погоны с тремя звездами, вот Дибич и привык. Зато рода войск Градов менял регулярно и сегодня явился на встречу под личиной танкиста. В прошлый раз он был химиком, а в позапрошлый – десантником.

– Как вас теперь называть? – спросил Дибич после обмена приветствиями.

Подразумевалось: как представлять посторонним, непосвященным в их тайные игры?

– Товарищем полковником. Без фамилии.

Портфель Градова оказался единственным его багажом, и офицеры сразу же зашагали к служебной «Волге» Дибича.

– Ну и как тебе Крым после Чехословакии? – спросил Градов. – Тамара не жалуется? Как мальчишки?

Едва ли его интересовали жалобы супруги Дибича или мнение сыновей об их новом доме, даже если таковые и звучали: разговор служил ритуалом, не более, требовался, чтобы продемонстрировать подчиненному, что интересуешься его личной жизнью и даже имя жены помнишь. Изобразить, так сказать, отца-командира.

Но полковника, какую бы эмблему тот ни носил и какая бы фамилия ни стояла в документах, Дибич отцом не считал. Даже приемным. Градов был требователен до жестокости и за ошибки взыскивал беспощадно. Сам же их допускал крайне

редко и никогда не признавал. Если выбранный им способ действий оказывался неверным, Градов все равно шел напролом, не жалея ни себя, ни других: разносил вдребезги ловушки и капканы или прокладывал новый путь, если пути не было. Сметал всех, кто пытался встать на дороге. Без малейшего сожаления жертвовал жизнями, если надо – многими жизнями. И добивался успеха там, где другие останавливались или не останавливались, но теряли звездочки, должности, а порой и головы.

А заглянуть перед беседой в личное дело и освежить в памяти имя супруги и детей собеседника Дибич и сам умел. Поэтому ответил коротко:

– Все нормально. Обживаются.

* * *

Они действительно обживались на новом месте: и семейство Дибичей, и вся часть, выведенная в феврале из Чехословакии.

Но после Европы Крым не понравился не только Тамаре, но и самому Дибичу. Полуостров с детства ассоциировался у него с теплым морем, с пляжем, переполненным загорелыми телами, с дешевыми фруктами и ведомственным пансионатом МО СССР. Теперь же капитан оказался в предгорьях, в прокаленной, высушенной солнцем степи, куда питьевую воду привозили в алюминиевых бидонах – двадцать литров в неделю на человека. Потому что из крана текло нечто, даже для стирки малопригодное. И постоянно – изнуряющая жара, в то время как до моря не пять минут пешочком, а два с половиной часа на машине. Фрукты, правда, дешевые, что да, то да, значительно дешевле, чем на курортном побережье.

Чехословакия и чешское пиво вспоминались с ностальгией. Маленький городок в Судетах, живописный и полусонный. Курортный климат. Азартная ловля форели в горных речках – Дибич с детства увлекался рыбалкой и вполне искренне считал, что оказался в раю. Дважды в неделю ему приходилось – приходилось! – навещать уютную пивную, общаться с местными, неплохо говорившими по-русски, и изображать простоватого офицера-связиста с военной телефонной станции – именно в таком качестве знали аборигены объект, за безопасность которого отвечал Дибич. Оперативная работа, выглядывшая как расслабление и отдых, все же была работой: он внимательно прислушивался к

разговорам, никак не выдавая знание чешского, и аккуратно, дозированно, случайными якобы обмолвками распространял дезу об объекте. И даже вскрыл предпринятую американцами попытку вербовки одного из штабных офицеров, за что получил капитанские звездочки на год раньше срока и предложение написать рапорт в академию.

В Крыму же... ладно, не стоит о грустном, но местное пиво Дибич в рот не брал после чешского. И Тамара (угадал Градов) все чаще закидывала удочки: не пора ли, пока не поздно, задуматься о смене жизненного пути? В стране большие изменения, происходят они стремительно, и все больше знакомых меняют привилегии, даваемые мундиром, на перспективы частного бизнеса. А кто не успеет, тот опоздает.

Он и сам в последний год задумывался о гражданской карьере. Пока был жив отец, такое казалось непредставимым, но отца не стало прошлой зимой.

Дело в том, что Дибич происходил из семьи с давними традициями. Из рода потомственных защитников Отечества. Причем начиная с Ивана Дибича, сменившего в позапрошлом веке военную карьеру на службу в Отдельном корпусе жандармов: войны, где сражались его потомки, были тайными, невидимыми миру.

Резкий разворот, случившийся в жизни страны семьдесят с лишним лет назад, не сбил Дибичей с избранного пути. Они по большому счету были аполитичны: цари и генсеки приходят и уходят, а Россия остается. Остаются ее рубежи и интересы, их надлежит защищать. И враги остаются, их надлежит уничтожать. Вот и все политическое кредо.

На Станиславе Дибиче в прямой, как стрела, истории рода случился сбой. Гены не так сцепились, наверное. Призвания резать глотки, даже во имя Отечества, он не ощущал. Он вообще предпочел бы гражданский вуз, но о таком и речи пойти не могло. Единственное, что Станислав смог сделать, не нарушая семейных традиций, – выбрать службу в радиотехнической разведке, заняться делом нужным, но без рукопашных схваток, взрывов, стрельбы и прочих спецэффектов.

Поразмыслив, отец дал на то свое благословение.

Но отец умер.

А жизнь продолжалась.

* * *

В Бельбек Дибич приехал без водителя, сам сел за руль, рассчитывая по дороге выложить Градову предварительную информацию, однако при первых же его словах полковник молча поднял ладонь: прикрути, дескать, фонтан. И Дибич послушно умолк, не стал рассказывать, что сегодня внепланово проверил машину на предмет подслушивающей техники, поскольку параноидальная подозрительность Градова давно стала притчей во языцах. И если параноить с ним за компанию по полной, то он прав: «Волга» почти час стояла без присмотра, и кто знает, сколько хитрых приборов на нее успели навесить.

И только после получаса, прошедшего в гробовом молчании, полковник сделал новый жест: останови.

– Рассказывай, – коротко приказал Градов, когда офицеры отошли на три десятка шагов от замершей на обочине машины.

– Сначала пропал боец Омельченко, из старослужащих. Ушел по-тихому, без оружия. Мы...

– План оперативных мероприятий для таких ситуаций можешь не пересказывать, – хмыкнул Градов. – Давай сразу к сути.

– Мероприятия результата не дали, решили, что упустили, и стали ждать, когда он объявится на родине. Ориентировку, естественно, отправили сразу.

Полковник кивнул. Дезертировавшие солдатики богатством фантазии не отличаются, прятаться толком не умеют. Действия их предсказуемы, как бег стронутого с лежки зайца: тот всегда закладывает круг и возвращается туда же, под выстрел охотника.

– Боец объявился в части, прямо на территории. Вел себя неадекватно и... – Дибич помялся, не зная, как точнее сформулировать, – ...и выглядел

странно.

Учитывая обстоятельства, формулировка была необычайно мягкой, потому что вчера, когда его подвели к беглецу, Дибичу показалось, что в части появился отец Омельченко, непонятно зачем натянувший форму сына. Лицо вроде бы и то же, но принадлежало оно не двадцатилетнему солдатику, а человеку на четверть века старше: морщины, пигментные пятна, седина...

Услышав об изменениях внешности, полковник поинтересовался:

- В чем заключалась неадекватность поведения?

- Омельченко утверждает, что не покидал пределы части. Что выпил, испугался ответственности и решил подремать часок в укромном уголке и ни про какие три недели знать не знает, ведать не ведает. Мне показалось, что не врет. Глупо так врать...

- Где сейчас Омельченко?

- В изоляторе.

- Что с ним?

- Общая слабость, потеря сил... - Капитан вздохнул. - Полное истощение организма.

- Посмотрим... - туманно пообещал полковник. - Изолятор охраняют?

- Так точно. Второй раз не исчезнет.

- Кто именно охраняет?

- Два бойца из Туркмении. Надежные парни, что угодно поручить можно - главное, умело растолковать, чего от них хочешь. По-русски говорят плохо, так что, если Омельченко снова начнет бредить, ничего не поймут и не растреплют.

– Это правильно, – одобрил Градов. – Кто первым обнаружил вернувшегося бойца?

– Замполит. Столкнулся с ним у казармы и сразу увел в штаб.

– Замполит, замполит... – задумчиво повторил полковник, словно припоминая.

Затем продемонстрировал, что поинтересовался перед вылетом не только личным делом Дибича:

– Челищев Олег Янович, шестьдесят третьего года, холост, имеет взыскание на прошлом месте службы за действия, порочащие честь и достоинство офицера. Он?

Капитан подтвердил: он самый. Про честь, достоинство и порочащие их действия Дибич услышал впервые, но не удивился: с Олежки станется. Раздолбаем капитан Челищев был редкостным, но при этом языком чесал гладко и умело растолковывал военным служащим их задачи в свете последних решений партии и правительства. А вот после пятой или шестой рюмки у Челищева начинались совсем другие речи, за которые он давно оказался у Дибича «на карандаше» как слабое звено, потенциальный объект вражеской вербовки.

– Пещеру, куда забился подремать боец, ты осматривал?

– Никак нет, – качнул головой капитан. – Дальше штольни не пошел.

– Это именно штольня? – продолжил расспросы полковник. – То есть что-то рукотворное?

– Да.

– Почему ты решил, что меня способна заинтересовать какая-то древняя шахта? Я в некотором роде не совсем археолог.

– Там, товарищ полковник, что угодно, только не старая шахта. Я был в Судетах на старинном руднике восемнадцатого века, восстановленном для туристов. Там стены и свод рябые, словно зубами прогрызенные. А здесь они ровные, как по

линеечке обтесаны. Не рудокопы кирками долбили.

– Это единственная причина?

– Никак нет. Еще субъективный провал во времени. Плюс странные изменения внешности, – перечислил Дибич.

Однако самую главную причину так и не назвал. Не решился. В конце концов, вдруг ему померещилось?

* * *

Градов и в самом деле не был археологом, хотя на своих выступлениях – а бывало и такое! – нередко рассказывал об археологических находках.

Лекции «майора Лукина» считались у курсантов ВАСА отдыхом. Редкой, раз в неделю, возможностью расслабиться посреди напряженной учебы. Преподавали здесь куда жестче, чем в училище, двоечников отчисляли безжалостно, а курс «майора Лукина» заканчивался зачетом в форме собеседования, и сдавали его, по слухам, все.

А то, что «майор» совсем не майор и, скорее всего, не Лукин, слушатели понимали. Не желторотики из военного училища сидели в аудитории, у многих послужной список был побогаче, чем у Дибича. Дело даже не в том, что среди прочих преподавателей никого в звании ниже полковника не было: на вид «Лукин» был на шестом десятке, не меньше, а майоры в таком возрасте встречаются исключительно отставные. Среди курсантов бытовала версия, что на самом деле «Лукин» – генерал-майор, а его лекторский майорский мундир со скромной наградной планкой служит исключительно для конспирации. Причем подобрал эту планку человек со специфичным чувством юмора: вместо юбилейных висюлек, обычных для майоров-неудачников, на груди «Лукина» красовались ленточки ордена Ленина, двух неизвестных курсантам иностранных наград и медали «За спасение утопающих». Лишь годы спустя Дибич узнал, всеми этими наградами «Лукин» был действительно награжден. И не только ими.

А вот рассказывал «Лукин» вещи более чем любопытные.

Например, о Спецотделе ВЧК, созданном Глебом Бокием в 1921 году. Спецотдел занимался работой с людьми, посвятившими жизнь штудиям запретного знания, владеющими тайнами, не признаваемыми официальной наукой, или обрывками, кусочками, фрагментами тайн. Тайнами незримого управления людскими телами и душами, тайнами, позволяющими прозревать будущее и изменять настоящее, тайнами чудесных исцелений и не менее чудесного уничтожения физически недоступных врагов.

Разумеется, среди адептов тайных знаний хватало как искренне ошибающихся, так и шарлатанов, выманивающих деньги у доверчивой публики. Хуже того, шарлатаны на виду, в центре внимания, а люди действительно серьезные избегают ненужного любопытства. Но Спецотдел ВЧК просеивал страну мелким ситом, отделяя зерна от плевел, а золото от пустой породы. Складывал в единую мозаику разрозненные кусочки тайн, зачастую принадлежащих людям, даже незнакомым друг с другом.

Еще «Лукин» рассказывал о странных артефактах, не раз находимых археологами, которые нельзя было отнести ни к одной из известных цивилизаций, упоминал о летающих тарелках и прочих «выдумках» фантастов и репортеров желтой прессы.

При этом лекции не носили отвлеченный и развлекательный характер. Их смысл был прост: что надлежит делать, когда и если товарищи офицеры столкнутся с чем-то неведомым и непонятным. Как отличить человека, обладающего необычными способностями, от жулика и шарлатана, а части метеозонда или разгонного блока ракеты – от обломков НЛО. Как пресечь утечку информации и как вбросить правильную дезу, установив «дымовую завесу» вокруг по-настоящему необъяснимого события.

И еще говорил, куда надо обращаться – напрямую, минуя штабную бюрократию, – если по-настоящему необъяснимые события действительно произойдут. И в нужный момент Дибич вспомнил все, вплоть до номера телефона.

* * *

Через полсотни ярдов штольня стала шире и выше, что позволило Дибичу выпрямиться во весь рост. Полковник же был на полголовы выше и до сих пор слегка пригибался. Он действовал вполне в духе своей параноидальной подозрительности: держался на пару шагов позади Стаса, в секторе три-шесть, с пистолетом наготове. Позиция идеальная: ему хорошо видно все, что происходит впереди, а вот чужие глаза разглядят лишь шагающего с фонариком в руках капитана.

Но чужие глаза пока отсутствовали.

И вообще не было никаких следов человеческой деятельности, если не считать таковыми идеально гладких стен и свода. Ничего похожего на старый рудник в Судетах: ни потемневших от времени деревянных крепей, подпирающих своды, ни позабытой рудокопами кирки, ни обломков деревянной тачки... ничего.

И никакой информации об этой шахте не существовало ни в документах, ни в рассказах местных жителей. И здесь – ничего.

Ведущую под землю дыру вскрыли случайно, когда бойцы расширяли естественную каверну в отвесном горном склоне. Дело в том, что часть хоть и именовалась отдельным дивизионом, но численностью личного состава недотягивала даже до пехотной роты: сто два человека, из которых больше половины офицеры и прапорщики, такая уж специфика службы – к сложной аппаратуре солдата-срочника не приставишь. В новом расположении в/ч 7018 оказалось тесновато, поскольку раньше тут квартировала «точка» МО с личным составом впятеро меньше. Ладно солдатики, им и трехъярусные койки установить можно, чтобы служба медом и сахаром не казалась. Но где размещать спецов и технику? Приходилось выкручиваться. Часть офицеров временно квартировала в отдалении, в частном секторе, ожидая, пока возведут общежитие. Все постройки отдали под аппаратуру, а для нового гаража попытались расширить взрывами ту самую каверну... Неудачно попытались: порода оказалась мягкой, и свод осыпался. На появившуюся в горе дыру сначала никто внимания не обратил, не нашлось дураков протискиваться в узкую и опасную щель. Некоторое время она таинственно чернела, постепенно сливаясь с пейзажем, но затем ефрейтору Омельченко пришло в голову попить домашнего винца, после чего он решил проспаться подальше от начальства и забрался туда, где, по его расчетам, его точно никто не отыщет.

И ведь оказался прав: три недели исчезнувшего солдата никто найти не мог.

– Стой! – шепотом приказал полковник, коснувшись рукой плеча Дибича. – Гаси фонарь!

Дибич подчинился.

Ход здесь резко, почти под прямым углом, изгибался, и, выглянув за поворот, капитан увидел обширную подземную пещеру, стены и свод которой тонули во мраке.

И странное дело: только что их шаги не давали ни малейшего эха (хотя, конечно, оба шли достаточно тихо), но сейчас шепот полковника шелестом разбежался вокруг и вернулся с тихим шипением, словно из темноты им угрожали бесчисленные змеи. Ощущение получилось настолько явственным, что капитан поежился.

Тем временем полковник мягко забрал у Дибича фонарик, выключил его и скользнул вперед, во тьму. Капитан понял, что нужно приготовиться, беззвучно расстегнул кобуру и вытащил пистолет. Несколько томительно долгих секунд ничего не происходило, а затем вспыхнул на полную мощность свет, и Градов громко приказал:

– Медленно выходи! Руки держи на виду! Если дернешься – буду стрелять.

Эхо усилило слова лучше любого мегафона, и прозвучала тирада так, что Дибичу самому захотелось шагнуть в освещенную зону, держа руки над головой.

Из темноты слышались негромкие звуки, словно кто-то судорожно передохнул, а затем из-за какого-то камня выбрался человек, держащий руки на виду.

Замполит Олежка Челищев, мать его за ногу.

Однако вместо того, чтобы спросить: «Что ты тут делаешь?», оглядевшийся вокруг Градов поинтересовался:

– Где мы?

* * *

Наверное, это был самый древний из всех существовавших на свете глобусов. Глобус тех времен, когда Ойкумена считалась стоящей на трех китах, а те – на громадной черепахе.

Однако киты и черепаха здесь отсутствовали – рельефная карта составляла с каменным полом пещеры единое целое. Совсем плоской изображенная Ойкумена не была, представляла собой часть сферы, окружностью шагов в двадцать и высотой в центральной своей точке примерно по пояс человеку.

Больше в пещере не было ничего – лишь древний глобус (или полуглобус?) в центре и зев еще одного туннеля: то ли второй выход, то ли вход куда-то вглубь. В следующую тайну...

Трудов создатели карты не пожалели, вырезая из камня мельчайшие детали: реки ветвились, как деревья, видны были даже мелкие притоки. В горных цепях тщательно, с подробностями, вырезаны самые высокие вершины.

Очертания Евразии в общем-то угадывались. Но именно угадывались: Индостан куда-то подевался, а Каспийское и Черное моря сливались в единый внутренний водоем, протянувшийся далеко к востоку. Хватало и других отличий.

По окружности рельефной карты с небольшими промежутками были высечены двенадцать символов, но Дибич опознал лишь стилизованные изображения солнца и луны. Еще ему показалось, что некогда глобус имел важную деталь – довольно большая круглая выемка над символами была пуста, – но, может быть, то разыгралось его воображение.

Однако на самом глобусе кое-что лежало: три блестящих металлических диска одинакового размера, примерно с пятак каждый. Два на одном краю карты – на условном севере условной Европы. Третий – в глубинах Азии. Диски блестели так, что сразу привлекали внимание необычной новизной. Слово их вчера надраили и положили на глобус подождать гостей.

– Что это? – прошептал Дибич.

- Предтечи, – эхом отозвался Челищев.

- Ты идиот?

- А кто еще?

Диалог получился странным, учитывая, что замполит не ответил Стасу, а сам задал ему вопрос.

После чего оба капитана уставились на Градова.

А вот насколько был озадачен полковник и озадачен ли он был вообще, понять было почти невозможно. Вслух он свои эмоции не выражал, а лицо в отблесках двух фонарей не больно-то разглядишь. Но действовал Градов по обыкновению уверенно. Нагнулся, прикоснулся к ближайшему диску, оглядел пальцы, убедился, что с ними все в порядке, и после этого попытался диск взять. Не получилось. Диск лежал не просто так – в круглом углублении, вырезанном в камне идеально по размеру, и подцепить его Градову не удалось.

- У тебя нет с собой ножа или пинцета? – поинтересовался он у капитана.

- Разрешите, товарищ полковник, я так попробую? – предложил Дибич, вспомнив, что как раз собирался с утра остричь ногти, но позабыл.

Личная гигиена – дело нужное и полезное, но иногда забывчивость в исполнении привычных процедур оказывается очень кстати: Дибич легко зацепил ногтями диск и вытащил его из гнезда.

Не муляж, увесистый. Рассмотреть толком в полутьме не удалось, но, кажется, никаких надписей или рельефных изображений поверхность диска не имела. Долго изучать находку не пришлось: полковник ловко выхватил добычу из пальцев капитана, упаковал в бумажный конверт и убрал в карман. Кивнул на второй диск, Дибич коснулся его, и тут же полковник рявкнул над самым ухом:

- Не трогать!

Да так рывкнул, что Дибич не сразу понял, что крик адресовался не ему, а замполиту.

Челищев решил принять участие в происходящем, явно не понимая, что вопрос и в самом деле стоял о его жизни и смерти, и незнакомый полковник действительно мог выстрелить, но...

Но, к удивлению Стаса, Градов решил иначе.

А раздолбай Олешка и рад. Бочком добрался до Азии и, воспользовавшись тем, что полковник и капитан отвлеклись, улегся на каменную поверхность животом и дотянулся до третьего диска.

Окрик полковника опоздал: замполит уже выпрямился, стоял с трофеем в руках и виновато улыбался.

* * *

В Бельбек полковника провожал опять-таки Дибич.

Спать после проведенных на ногах суток хотелось невероятно, глаза слипались, и две чашки крепчайшего кофе помогли мало. Полковник утомленным и сонным не выглядел, хотя отнюдь не помолодел со времени первой своей встречи с курсантом Дибичем, и по идее должен был вымотаться гораздо больше. Но не вымотался. Сделанные находки он никак не комментировал, догадок не высказывал. Лишь сокрушался, что не успели осмотреть другой туннель, но задержаться не мог, и без того с трудом вырвался, отыскав окно в плотном графике: дескать, непременно должен быть в Киеве до полудня, а в Москве уже к вечеру.

– Труба зовет, – пояснил он и добавил непонятное Дибичу: – Туба мирум спаргенс сонум.

Вход в подземное сооружение они заблокировали надежно, дабы не повторилась история с Омельченко, – подорвали толовой шашкой. Взрыв «ТП-2000» сработал с запасом, с гарантией, каверну несостоявшегося гаража окончательно завалили обломки. Как сказал Градов: «Когда придет время – раскопаем».

А вот Омельченко новые авантюры уже никогда не затеет – умер незадолго до приземления «Ан-12» в Бельбеке. Умер без агонии и прощальных слов: дышал, дышал и перестал, охранник-туркмен даже не сразу сообразил, что произошло.

...А в Бельбек снова прибывали транспортники, и вновь с войсками, хотя никаких учений вроде не планировалось. Дибич сопоставил эту суету со спешкой полковника и рискнул – уже попрощавшись – спросить, кивнув на взлетную полосу:

– Ожидаются события?

Событий и без того хватало. В Прибалтике стреляли, в Приднестровье стреляли, а на Кавказе вообще воевали всерьез, используя уже вертолеты и бронетехнику. В Крыму пока было тихо.

Пока...

– Смотри выпуски новостей, – посоветовал полковник. – Скоро увидишь много интересного.

И пошагал к грузовому люку «Ан-12».

Часть первая

Lacrimosa dies illa

Следует из сказанного мной одно:

Нужно из цепочки исключить звено.

Именно затем я и позвал вас, сударь,

Именно за этим отравил вино.

Глава 1

Баронесса Властелина напоминает о старом долге, Олесь Гацкан получает задание, а Полковник – письмо

Женщина шла по лесу.

Березы росли здесь достаточно густо, и казалось, что женщина подобрала абсолютно неподходящий для прогулки наряд, что древесные сучья вмиг зацепят и разорвут платье из легкого, почти невесомого шелка, – но они удивительным образом не цепляли и не разрывали. Женщина скользила меж берез легко, не выбирая дорогу, а те словно подавались в стороны, освобождая путь. Зато платье своим изумрудным цветом идеально гармонировало с лесом, окутанным нежной майской листвой, и с глазами женщины.

Впереди блеснула полоска воды – озеро, на берегу которого, у приметной V-образной березы, была назначена встреча. Женщина опоздала всего чуть-чуть, на каких-то пять минут – она никогда не приходила вовремя, – но тем не менее возле дерева никого не оказалось. Что вызвало законное недоумение, поскольку никто не мог позволить себе опаздывать на свидания с фатой Властелиной, супругой могущественного владельца домена Люблино. Однако недоумение не успело превратиться в раздражение, поскольку в тот самый миг, когда баронесса увидела березу, прозвучал мелодичный голос:

– Я здесь, госпожа!

И из-за дерева появилась хрупкая девушка, непонятно как ухитрившаяся спрятаться за не очень толстым стволом.

Девушка была одета очень скромно, в зеленое платье, без всяких украшений, и внешне тоже выглядела заурядно: скуластое лицо, большой рот, собранные, но плохо расчесанные волосы. Девушка выглядела простушкой, в отличие от Властелины, которая и в этом рубище произвела бы впечатление высокородной

дамы.

- Приветствую вас, госпожа, и жду слова, - произнесла девушка, почтительно склонив голову.

- Ты должна мне третью службу, - негромко проронила баронесса.

- Я помню, госпожа, и готова исполнить ее.

О том, что третья служба - последняя, собеседницы не упомянули. Но, разумеется, ни одна из них не забыла этот нюанс.

- Тогда слушай мою волю... - Властелина изменила тон, заговорив напевно и торжественно: - Ты будешь беречь мою дочь в ее предприятии, будешь рядом с ней и, если понадобится, отдашь за нее жизнь. В тот день, когда моя дочь вернется в Тайный Город, твой долг будет оплачен полностью. Таково мое слово.

- Ты сказала, - подытожила простушка. В этот момент она имела право назвать баронессу на «ты».

- Я сказала, - подтвердила Властелина и сняла с шеи простой кулон - камень из дымчатого хрусталя, который давным-давно стал сосудом завета Обещания. Сняла и, сжав в кулаке, повторила: - Таково мое слово о третьей службе.

- Я готова сослужить вам третью службу, госпожа.

Раздался негромкий звон, словно от соударения хрустальных бокалов, и хрустальный камень исчез.

Несколько секунд собеседницы молчали, переживая момент расставания, после чего простушка улыбнулась:

- Я не ждала, госпожа Властелина, что мое служение закончится так рано.

- Насыщенное десятилетие, - усмехнулась баронесса. - Даже мне, фате, твоя помощь требовалась чаще, чем я ожидала.

Она произнесла слово «фата» с законной гордостью, подчеркнув, что стоит выше не только собеседницы, но и многих равных по крови и происхождению люд.

– Я хорошо вам послужила.

– Но моей девочке помощь нужнее. – Властелина вздохнула. – Она выросла, но еще осталась ребенком, она самоуверенна, и это может ее погубить.

– Не погубит, – спокойно заверила простушка. – Ведь рядом буду я.

– Да, – кивнула баронесса. – Теперь рядом с ней будешь ты, и я смогу спать чуть спокойнее.

– Что мне предстоит?

– Моя дочь считает, что сумела приблизиться к разгадке тайны Ключ-Камня. Ерунда, конечно, но знаки, которые я вижу в будущем, не столь благоприятны, как раньше. Есть ощущение, что экспедиция окажется опасной.

– Но вы не можете ей запретить, – вздохнула простушка.

– Увы, – подтвердила высокородная дама. – Я даже не знаю, куда она отправляется на этот раз.

– Надеюсь, не на Байкал.

– Не любишь это озеро?

– Наоборот: слишком люблю, – неожиданно серьезно ответила девушка. – И не хочу пачкать его кровью.

– Оно повидало достаточно крови.

– Я не хочу.

– Понимаю. – Властелина улыбнулась и, не прощаясь, повернулась к лесу.

Баронесса сделала все, что могла, для спасения своей своенравной дочери. Она не могла поделиться с ней ни граном своей невероятной магической силы, зато передала в ее распоряжение самое опасное оружие, которым владела безраздельно.

* * *

Сотник особого роя «Помста» Олесь Гацкан не удивился, когда услышал, что ему необходимо в течение ближайших дней ликвидировать живущего в подмосковном Клину кацапа. Надо, значит, надо, а зачем и для чего, то провиднику виднее. Для того и прибыл сюда рой, для того и затерялись, растворились его хлопцы в многомиллионной массе приезжих.

Гацкану приходилось участвовать в кровавых акциях, получать и исполнять самые неожиданные приказы: и на Донбассе, и здесь, во вражьем тылу. Казалось, сотник вообще не способен ничему удивляться, но все же удивился – чуть позже, читая ориентировку на объект ликвидации. Очень сильно удивился, увидев год рождения объекта.

Он даже позволил себе осторожно, в виде шутки, усомниться: стоит ли вообще посылать на такое дело лучших бойцов и заниматься серьезным планированием операции? Не проще ли нанять местного наркомана за бутылку водки – тот замахнется какой-нибудь ржавой трубой, тут дедушку кондрашка и хватит. Много ли старому надо?

Собеседник шутку не оценил, даже тень улыбки на лице не мелькнула, когда он смотрел на плоскую металлическую пепельницу, где пылал маленький костерок из скомканной ориентировки. И лишь когда все догорело, провидник произнес:

– Туди ходили хлопці Струка, четверо.

Гацкан знал, что бойцы Струка занимаются операциями другого уровня. Их работа – «завести» толпу, собранную на акцию протеста, спровоцировать столкновение с полицией, а затем отступить и спрятаться за спинами «мяса». Или, например, если надо встретить в подворотне журналиста или блогера,

чересчур активно выступающего против нэньки, поломать тому руки-ноги. Работа полезная и нужная, кто бы спорил, но все же не требующая той подготовки, что прошли подчиненные Олесь.

– Сходили – і що? – уточнил сотник, не сомневаясь, что остановил Струковых орлов какой-то непредвиденный пустяк, вроде злой собаки или не обнаруженной вовремя ментовской сигнализации.

– Не повернулись, – ответил провидник, и интонацию его Гацкан не совсем понял.

– Заарештували?

Провидник вновь выдержал долгую паузу, после которой неохотно объяснил:

– Просто не повернулись, не доповіли... Як у воду канули.

Про себя сотник решил, что вряд ли дедуля причастен к бесследному исчезновению парней Струка. Пусть он даже сто раз военный пенсионер, пусть даже был самым крутым Рэмбо в далекие-далекие годы – те времена давно канули в Лету, и глупо предполагать, что дряхлый отставник порубил четырех крепких хлопцев и вынес в полиэтиленовых пакетах на мусорку. Внутренняя безпека разберется в том, что произошло, и наверняка выяснится куда более прозаическая причина, тем не менее акцию надо организовать тщательно, без каких-либо скидок на возраст объекта. Тщательно, но быстро – срок провидник установил жестко: трое суток и не часом более.

К сожалению, Олесь не знал, что к звильненню батькивщины акция никакого отношения не имела, а является не более чем сторонним приработком провидника. Но самое плохое для Гацкана заключалось в том, что настоящий заказчик акции ни на миг не допускал, что рою «Помста» удастся ликвидация.

Пушечному мясу не полагается знать планы мясников.

* * *

По странному совпадению в то же время, когда ориентировка превращалась в пепел, ее объект смотрел на очень похожий костерок. Правда, горел тот не в пепельнице, а в фарфоровой тарелке, поскольку Полковник не курил и никому не позволял курить в своем доме.

Горело письмо.

Полковник редко получал бумажные письма, да и кто их получает часто в век повальной компьютеризации? Налоги, судебные повестки, квитанции на оплату штрафов и напоминания о просроченных банковских кредитах еще приходили по почте, а вот общаться между собой люди привыкли с помощью электронных гаджетов.

И вот на тебе – пришло.

Причем не с самым хорошим содержанием, потому что Градов наблюдал за исчезновением исписанного с одной стороны листка с лицом таким мрачным, словно получил уведомление о судебном иске на сумму, во много раз превосходящую его сбережения.

Послание состояло из трех машинописных строчек без подписи. Именно машинописных, а не отпечатанных на принтере, что было явным анахронизмом для нашего времени. Суть же послания была проста: Полковника собираются убить.

Что, в общем-то, было странно, ибо он уже двадцать лет живым не числился и инкогнито ухаживал за скромной могилкой на провинциальном военном кладбище, где стоял каменный обелиск с его именем и фамилией, обозначенной в предпоследнем паспорте. Даже портрет присутствовал: нечеткое изображение лица, которое Градов демонстрировал окружающим лет тридцать назад.

Двадцать лет он спокойно жил мертвым, и вот на тебе – добрались.

Полковник задумчиво посмотрел на пепел и тяжело вздохнул.

Рой «Помста» проводит разведку, Властелина определяет перспективы, а Полковник пытается судьбу

Испокон веков так повелось: непосредственный руководитель готовящейся операции должен выехать на разведку и своими глазами оценить место действия. Оценить лично, не по докладам подчиненных, не по снимкам или видеозаписям, а «понюхать воздух» – так называл это человек, преподававший Олесю нелегкую науку ликвидаторства.

Гацкан наставника уважал, поскольку за спиной у того были такие дела, о которых ни в какой книге шпионских мемуаров не прочтешь, даже через сто лет, когда многие нынешние секреты перестанут быть секретами. Уважал, но считал человеком прошлого столетия, преуспевшим в специальности без помощи всевозможных современных гаджетов. Что преуспел – за то честь ему и хвала, однако не повод отказываться от помощи техники двадцать первого века.

В общем, в Клин Олесь не поехал. Послал двух помощников, а сам изучал место действия при помощи «гугловской» фотокарты. Удобная штука: словно сам идешь по выбранной улице, глазеешь по сторонам и подолгу рассматриваешь заинтересовавшие тебя места с максимальным приближением, но никто не интересуется тобой и твоим любопытством. В загородной местности фотокарта не поможет, даже у такого гиганта, как «Гугл», нет возможности заснять все леса и поля, на которых раскинулась проклятая Кацапия, но для городских улиц ничего лучше не придумать.

Хотя в районе Серебристой улицы город Клин напоминал уже не город, а коттеджный поселок: двухэтажные особнячки – одинаковые, словно на ксероксе размноженные, с небольшими, сотки на три-четыре, участками.

Виртуальное путешествие по Серебристой улице отчасти напоминало компьютерную игрушку-стрелялку, только локация была не придумана сценаристами и не нарисована художниками, а состояла из реальных домов, в которых живут реальные люди.

И очень скоро один из них перестанет жить.

Отчего улицу назвали Серебристой, Гацкан не знал, да и не ломал особо голову над кацапской топонимикой. Назвали и назвали, может быть, тут зимой все серебрится от инея. Он ломал голову над другим: ограда вокруг нужного участка невысокая, несерьезная, перемахнуть через нее не проблема, но вдруг на ней установлены датчики движения?

Потом он вспомнил про бойцов Струка и решил исходить из худшего варианта. Разумеется, хлопцы протрезвеют и отыщутся, но... Но все-таки лучше считать, что датчики на ограде стоят, и если потребуется входить, то войти надо будет цивилично, через калитку. По-европейски.

Гацкан максимально приблизил изображение калитки, пытаюсь разглядеть замок. Вроде бы электронный, но модель не определить, разрешение снимка не позволяет. Не беда – Пасюк и Товстун разберутся на месте.

Снимки улицы, сведенные компьютером в единую панораму, были сделаны больше года назад, прошлым летом, и, разумеется, машину с подчиненными Гацкан увидеть на экране не мог. Но знал: она сейчас где-то там, неподалеку.

...Вечером, выслушав доклад вернувшегося Пасюка (в паре наблюдателей тот был за старшего), сотник помрачнел. Дело оказалось не столь простым, как представлялось поначалу. Объект наблюдения за одиннадцать без малого часов наблюдения ни разу не высунулся из норы, и никто другой к нему не приходил и не уходил – дверь вообще ни разу не открылась, даже когда Товстун, вооружившись пачкой рекламных буклетов, долго и настойчиво звонил у калитки.

Дом казался пустым, тем не менее, когда стемнело, свет за окнами зажегся. Можно было бы предположить, что освещение включил сработавший фотоэлемент, однако пару раз на фоне плотно задернутых штор мелькнул чей-то силуэт.

Погано...

Первые сутки из отпущенного срока миновали, но пока ясно лишь одно: база данных паспортного стола (редкий случай!) соответствует действительности: незарегистрированные граждане здесь не обитают. Клиент живет один, и если выходит из дома, то крайне редко. И визитеров, явившихся без

предварительного звонка, игнорирует. При этом трубку городского телефона никто не поднимает, а номер мобильного, если таковой имеется, неизвестен – пробивка по базам данных сотовых операторов ничего не дала.

Значит, первоначальная задумка – вычислить, когда дедуля отправляется поразмять старые косточки и подышать свежим воздухом, либо выманить его под каким-то предлогом и «оформить» на свежем воздухе – не годится. Придется самим отправляться в гости, а на грамотную подготовку визита времени катастрофически не хватает. Хорошо еще, если удастся раздобыть в строительной компании поэтажный план здания.

С такими невеселыми мыслями Гацкан машинально, вполглаза, просматривал запись, сделанную видеорегиистратором его машины. На первый взгляд ничего на улице Серебристой по сравнению с прошлым годом не изменилось. А затем нажал «стоп». Поскольку кое-что все-таки изменилось...

На одном из домов-близнецов, стоявшем поодаль от обителища объекта, появился плакат: здоровенный, раскинувшийся на половину фасада. Плакат информировал, что дом продается, но подробности было не разглядеть. Тогда Олесь увеличил масштаб и узнал, что продавцом недвижимости либо посредником в сделке выступает некое ООО «Криница», номер телефона такой-то.

Вот это уже интереснее...

* * *

Тренировка подходила к концу. Четверо юных ратников атаковали инструктора, выглядевшего лет на десять старше их, но никак не могли добиться даже самого малого успеха. Четверо. Против одного. И пусть юные бойцы еще не обладали достаточным опытом, численного преимущества должно было хватить, чтобы хоть поцарапать обер-воеводу, но не хватало. Они наседали, он отмахивался и до сих пор оставался целым, изорвав юношам одежду на груди, руках и ногах, показывая, что не убил их только потому, что тренировка.

Только поэтому.

Осознание собственной слабости взбесила юнцов, их атаки становились все более и более жесткими, но обер-воевода прекрасно знал, чем может закончиться игровое сражение, и принял меры, чтобы вовремя его остановить.

– Убит! – резко сообщил он, на долю мгновения задержав клинок у горла первого соперника.

Тот побледнел от бешенства, но вовремя вспомнил о правилах и вышел из боя.

– Убит! Убит!

Второй и третий не постеснялись выругаться, но тоже подчинились.

А вот с последним вышла заминка.

Сообразив, что он вот-вот последует за товарищами, четвертый юнец сделал вид, что не услышал возгласа обер-воеводы, и ринулся в отчаянную атаку, намереваясь уколоть инструктора хотя бы поперек правил, но тот был слишком опытен для горячего пацана, ловким движением сменил позицию, пропустив ратника под свободную руку, перехватил его и подножкой отправил на землю.

– Убит!

– Чем?

– Вот этим! – Парень не сразу разглядел острие меча у своей шеи, а когда заметил, умолк и отвернулся. – Занятие окончено.

Юноши поблагодарили инструктора за тренировку и гурьбой отправились в раздевалку, а сам обер-воевода быстрым шагом подошел к знатной даме, что появилась в фехтовальном зале минут десять назад.

– Баронесса Властелина. – Люд отвесил фате глубокий поклон. – Рад вас видеть.

Женщина ограничилась легким кивком.

Все знали, что в домене Люблино решения принимала не жрица – ее больше интересовали интриги Великого Дома, и не барон, которого за глаза называли Тряпкой, а его супруга – железная фата Властелина. Именно ее благосклонности искали карьеристы, именно к ней приходили с самыми разными вопросами люди. И именно она стояла сейчас перед обер-воеводой.

– Ты неплохо сражался.

– Спасибо, госпожа.

– Но воин должен уметь думать.

– Да, госпожа. – Еще он знал, что фата терпеть не может болтунов, поэтому ограничивался почтительными, но короткими ответами.

– Барон говорил мне, что ты не по годам хорош в военной тактике.

– Барон необычайно добр ко мне.

– Возможно. – Властелина улыбнулась, и обер-воевода мысленно передохнул, постаравшись, чтобы на его лице не отразились бушующие внутри чувства. Он знал, что фата не любит чересчур эмоциональных мужчин. – Проводи меня.

– С удовольствием.

Обер-воевода предложил даме руку, и они медленно покинули фехтовальный зал.

– Не скрою, я слежу за твоими успехами и знаю, что ты пользуешься популярностью в дружине, – с неожиданной мягкостью прожурчала Властелина. – Тебя любят.

– Я бы не стал использовать столь сильное выражение, – пробормотал сбитый с толку люд.

– А ты любишь мою дочь, – неожиданно продолжила фата.

- Э... - Обер-воевода остановился и глубоко вздохнул. - Знаете?

- А что в этом такого?

- Поверьте, я никогда не позволял себе...

- Я не сомневаюсь в твоей честности, милый, - улыбнулась Властелина. - Иначе с тобой разговаривала бы не я, а мой владетельный супруг.

- Понимаю, - уныло протянул мужчина.

- А еще ты должен понять, что барон не вечен, рано или поздно ему придется уступить власть в домене молодому и сильному воину. А сыновей у нас нет...

Намек был достаточно прозрачен, чтобы его понял даже ос. Обер-воевода был намного умнее обитателей Лабиринта, поэтому схватил все на лету.

- Женившись на вашей дочери, я получу вашу поддержку, фата.

- И мы с мужем сделаем все, чтобы проложить тебе путь к титулу.

«Но рядом всегда будет властная теща...»

Впрочем, сейчас это не имело значения. Потому что тещи - они ведь тоже не вечны.

- Проблема в том, что ваша драгоценная дочь видит во мне исключительно друга, - без притворства вздохнул обер-воевода. - У нас прекрасные отношения, но, как бы мне ни хотелось, они не выходят за рамки приличий. Иначе этот разговор состоялся бы давным-давно.

- Знаю, - кивнула Властелина. - Она еще маленькая, мечтает о приключениях, но я надеюсь, что ее нынешняя затея станет последней: мои нервы больше не выдержат.

- Ожидается что-то опасное? - подобрался мужчина.

– Скорее всего да, и ты должен быть рядом. – Баронесса остановилась и посмотрела собеседнику в глаза. И он вдруг понял, что сейчас перед ним стояла не хладнокровная, расчетливая стерва, каковой Властелина заслуженно считалась в домене и всем Зеленом Доме, а мать, искренне беспокоящаяся о будущем дочери. – Я уверена, что, пройдя через эти испытания, вы сможете наконец стать по-настоящему близки. В смысле, я надеюсь, что моя дочь перестанет валять дурака и признается себе, что любит тебя.

– А она любит? – шепотом спросил обер-воевода.

– Если бы не любила, этого разговора не было бы, – ответила Властелина.

– Что я должен делать?

* * *

Полковник сидел в кресле абсолютно неподвижно, словно восковая фигура, выставленная Шерлоком Холмсом в качестве приманки для убийц. Но все окна были плотно зашторены, а стекла в них могли выдержать выстрел из куда более мощного оружия, чем пневматическая винтовка подручного профессора Мориарти, однако Градов понимал, что, если до него решат добраться всерьез, меры предосторожности не помогут. Один раз, возможно, спасут, но не более.

Слежку, обнаруженную сегодня Полковником, вели дилетанты: кем-то обученные, нахватавшиеся вершков, но все же дилетанты. Но сегодня была проверка: не утратил ли старый волк хватку, не стерлись ли, часом, у него клыки? Плюс нельзя исключать, что его хотят не просто ликвидировать, а нанести оскорбление: заставить принять смерть от жалких подонков, судьба которых – быть пылью под сапогами.

Клыки действительно стерлись и поределели, но не в том дело... Утратилось другое: жажда схватки и победы. Жизнь прожита, и прожита неплохо, есть что вспомнить, и Полковник не знал, чего еще можно попросить у судьбы. Разве что достойного и спокойного ухода? Он надеялся, что все произойдет здесь, что это жилье станет последним, что однажды он попросту заснет и не проснется и будет видеть сны, долгие красивые сны... Но не сложилось. Судьба поставила перед выбором: либо дать себя убить всеми презируемыми тварям, либо вступить

в схватку с тем, кто их отправил. Но возникает вопрос: что на кону? Неужели только право умереть в своей постели?

Если бы кто-то в тот момент наблюдал за Градовым, наверняка наблюдатель вздрогнул бы. Движение старика было резким и абсолютно неожиданным – словно ожила восковая фигура. Он взмахнул правой рукой, серебряная монета, быстро вращаясь, взлетела в воздух, упала на поверхность стола и закружилась, как маленькая юла.

Полковник неотрывно следил за вращением. Орел или решка? Вернее, учитывая, что это за монета: двуглавая птица или профиль с бородкой?

Градов не был дураком, неспособным обдумать и принять решение и доверяющим свою судьбу глупому случаю, но и монета не была простым металлическим диском, хоть и выглядела сейчас как заурядный серебряный рубль 1898 года выпуска.

Вращение замедлилось, потом прекратилось. Монета застыла неподвижно – стоя на ребре.

Ладонь легонько ударила по столешнице. Монета покачнулась, но осталась стоять. Такое случалось крайне редко, пять или шесть раз за все годы, что Полковник ею владел.

Он поднялся аккуратным тщательно просчитанным движением, чтобы суставы не откликнулись болью. Подошел к сейфу, извлек из него граненый пузырек с притертой стеклянной пробкой – не последний, на одной из полок секретного хранилища стояла целая коллекция подобных емкостей: ни дать ни взять знаменитый парфюмер бережет от конкурентов последние разработки.

На кухне достал из холодильника молочную бутылку, обычную, пластиковую, аккуратно налил молоко в глубокое блюдо и поставил в микроволновку. Самые обыденные действия одинокого старика, решившего побаловать любимца-кота.

Однако котов Полковник не любил и не держал. И дальнейшее выглядело уже не столь обыденным: из кухонного шкафчика появилась коническая колба с розовой жидкостью и мерный стаканчик. Наполнив его на три четверти, Градов накапал в жидкость из пузырька, но в последний момент рука дернулась,

и он пролил чуть больше, чем планировал. Покачал головой, обдумывая, не начать ли сначала, но не стал.

Тем временем звякнула микроволновка, докладывая: тарелка и ее содержимое согрелись.

Розовая жидкость, угодив в молоко, произвела с ним любопытную метаморфозу: коктейль по мере размешивания окрасился в кроваво-красный цвет, затем постепенно, несколько минут, возвращался к прежнему виду. Полковник, дожидаясь, пока к молоку вернется естественный цвет, хотел было вылить остаток жидкости в раковину, но потом вспомнил о крысах, обитающих в канализации, и передумал: ни к чему плодить нездоровые сенсации. Вооружился воронкой и перелил розоватую жидкость в металлическую флягу.

Тарелку с готовым продуктом Градов отнес в зимний сад. Там раскинулись самые натуральные джунгли: густое сплетение ветвей и листьев, вьющиеся лианоподобные растения, экзотические плоды и цветы. Причем произрастала вся экзотическая флора не из кадок или наполненных землей ящиков, а из сплошного толстого слоя почвы (дренажная система обошлась в свое время хозяину в круглую сумму).

Полковник отключил мощные ультрафиолетовые облучатели, висевшие под потолком, затем раздвинул росшие у земли стебли и поставил между ними тарелку. Подождал, отойдя в сторонку, и через секунду услышал шуршание, как будто небольшая зверушка почуяла лакомство и теперь осторожно к нему подбиралась.

Удовлетворенно кивнув, старик вернулся в кабинет. И помрачнел: монета по-прежнему стояла на ребре. Сделанный выбор оказался ложным, возвращающим к той же самой развилке судьбы.

В кресле вновь застыла восковая фигура, но теперь неподвижность старика не скрывала раздумий, он просто оттягивал неизбежное.

После долгой-долгой паузы Полковник взялся за мобильный телефон. Модель была из самых простых и дешевых, неспособная фотографировать, выходить в Интернет, отправлять MMS-сообщение и прочая, прочая, прочая. Этот телефон мог только звонить, но никуда не звонил. За несколько лет – с тех пор как был

приобретен – ни одного исходящего звонка, лишь регулярное пополнение состояния счета, которое Градов делал для того, чтобы оператор не аннулировал сим-карту.

В памяти приборчика хранились три номера, несмотря на то что Полковник знал их наизусть – в его возрасте не мешало подстраховаться. Он послал вызов первому абоненту, искоса поглядывая на застывшую монету. Механический голос сообщил, что набран несуществующий номер. Второй действовал, но голос откликнулся чужой, незнакомый, и Градов немедленно дал отбой.

Монета стояла торчком, и Полковнику очень хотелось дать ей щелчка, заставить упасть какой-то стороной, но он знал: не поможет. Однажды своенравная серебряная кругляшка просто-напросто зависла в воздухе и упорно игнорировала все попытки заставить ее соблюдать закон всемирного тяготения.

По третьему номеру откликнулся тот, кто и должен был откликнуться.

– Нужно встретиться и поговорить, – произнес Полковник, не тратя время ни на приветствия, ни на необязательные вступления.

Когда-то его «нужно» звучало для этого человека как приказ, и хотя те времена давно прошли, тон не изменился – командный, не допускающий возражений.

– Буду рад, – откликнулся собеседник. – Через неделю вас устроит?

– Нет. Дело срочное.

– Я сажусь в самолет, уже прошел регистрацию и досмотр.

– За границу?

– В Питер. Вернусь через неделю.

– Встретимся там. Завтра.

– Н-ну... я вообще-то буду не в самом Питере, неподалеку...

– Где именно?

Услышав ответ, Градов понял: судьба. И даже не повернул голову, когда что-то легонько звякнуло за плечом. Знал, что это упала монета, причем упала орлом вверх.

Сборы не затянулись. Он давно привык держать наготове «тревожный чемодан» и отвык обзаводиться лишними вещами – в жизни не раз и не два приходилось срывать с места, оставляя все нажитое. Но кое-что сейчас нельзя было ни взять, ни оставить, пришлось провести около часа в подвале, возле муфельной печи, и если бы этот агрегат умел испытывать эмоции, то наверняка изумился бы: настолько странные вещи превращались в пепел в его раскаленном нутре.

Дом Градов покидал без сожаления, хотя подозревал, что уходит навсегда. Лишь на пороге зимнего сада печально вздохнул: в последние годы увлечение экзотическими растениями переросло в нешуточную страсть.

Но толком попрощаться с зелеными любимцами не удалось. В дальнем углу наметилось шевеление, затем Полковник увидел, как заколыхались верхушки растений, и услышал, как хрустят и ломаются те стебли, что потоньше.

Источник возмущений приближался: нечто живое и весьма массивное протискивалось сквозь рукотворные джунгли, целеустремленно приближаясь к Градову, поэтому он торопливо шагнул обратно, прикрыл дверь и подумал, что эликсир сработал быстрее, чем при прежних опытах. Все-таки переборщил с дозировкой.

Теперь незваных гостей, если пожалуют, поджидает сюрприз. Большой такой сюрприз, во всех смыслах большой, но не единственный – кое-что Полковник приготовил для них и в своем кабинете.

Что же касается монеты, то теперь она напоминала рубль 1898 года только реверсом с изображением орла. С аверсом же приключилось нечто удивительное: профиль расплылся и превратился в контур большого озера. И если бы на монету посмотрел знающий человек, то без труда бы понял, что это озеро – Ладога.

Одинокий холм высился над равниной, а окрест, насколько хватало брошенного с его вершины взгляда, тянулись леса. Самые разные: дубовые рощи и сосновые боры чередовались с лиственным мелколесьем и темным ельником.

Лес здесь стоял густой, мощный, похожий на несокрушимую крепость, но... Но ее сокрушили. Кто-то могущественный повелел проложить через непроходимую чащу просеку, и она появилась: прямая как стрела и настолько широкая, что поперек нее можно было выстроить двести человек.

И сейчас по просеке медленно полз камень – огромный, настоящая скала. Ни одна повозка не выдержала бы вес исполинского монолита, поэтому он полз по каткам, вытесанным из прочнейших дубовых стволов, но даже их быстро деформировала чудовищная тяжесть, и катки постоянно приходилось заменять.

Камень полз...

Медленно, поскольку волокли его крепкие белокурые мужчины и никто более. Волокли тяжело, обливаясь потом и напрягая бугристые мышцы, волокли безостановочно, меняясь на ходу, отдыхая в едущих следом повозках и вновь возвращаясь в упряжь. Волокли с гордостью, поскольку делали для своего Дома великое дело – ставили Ключ-Камень.

На века.

На тысячелетия.

Навсегда связывая благодатный мир с великой Людью.

Этот ритуал могли провести лишь высшие маги расы-победительницы. Этот ритуал был настолько древним, что считался заветом самого Спящего. С этого ритуала начинались все Империи Земли: перед людьми гигантские камни тащили на своих плечах асуры и навь, а после них – чуды.

Это был фундаментальный символ...

* * *

Долгий и трудный путь завершился. Камень укрепился над озерными волнами, а насыпная дамба, служившая продолжением просеки, исчезла без следа. Глубина здесь была относительно невелика, и в водах скрылась примерно треть от общей высоты скалы.

Камень укрепился, и на рассвете следующего дня на его вершину поднялись шесть прекрасных пар: шесть широкоплечих юношей в белых, расшитых золотом рубахах и шесть ослепительно прекрасных девушек, чьи тела были едва прикрыты тончайшим шелком. Они поднялись по лестнице, которую создала магия и которая исчезла, едва последняя пара взошла на скалу.

Возвращаться они не собирались.

– Сегодня, – тихо сказала королева, глядя на поднимающееся солнце. – Сегодня...

Яркие лучи били ей прямо в глаза, и только потому из них – огромных, ярко-зеленых – текли слезы. Только поэтому. А не потому, что среди двенадцати избранных на скале стояла ее дочь.

– Сегодня этот мир станет нашим!

И двенадцать даров упали в озеро. Меч, шелк, зерно, вино, амулет... Дары были приняты – утонуло все, даже то, чему следовало бы остаться на поверхности. Но это была лишь первая часть ритуала.

Первые дары.

Солнце всходило быстро, но не быстрее церемонии. Яркий диск еще не поднялся выше скалы, когда двенадцать клинков синхронно взметнулись над головами и через мгновение вонзились в молодые тела. В двенадцать избранных сердец. В двенадцать маленьких камушков, укрепляющих большой Ключ во имя Великого Дома Людь.

– Наша жизнь есть кровь. И мы даруем нашу кровь нашему миру. Нашу жизнь и наше будущее. Теперь этот дом – наш!

Королева сказала это твердо, гораздо тверже, чем ожидали стоящие вокруг жрицы. Сказала так, словно не умирала сейчас на вершине скалы частичка ее души, а из прекрасных глаз не текли слезы.

Королева сказала.

И Ключ-Камень стал другим, и все вокруг стало другим: и воды, и небо.

Солнце остановилось, а напротив него вдруг появилась Луна.

Багровая вода вокруг скалы забурлила и закипела, стала подниматься струями пара, в мареве которого Камень стал призрачным. Пластичным. На глазах меняющим очертания.

Камень загрохотал, превращаясь из бесформенной глыбы в гигантскую каменную птицу, в раскинувшего крылья журавля. Время потеряло смысл и значение: все тянулось неимоверно долго, и все закончилось очень быстро, не минуло и нескольких ударов сердца.

Луна вернула привычную днем невидимость.

Солнце возобновило путь к зениту.

Вода остыла, став прежнего цвета.

А высящаяся посреди озера скала если и напоминала теперь птицу, то весьма условно, и не танцующую, как секунду назад, а собравшую крылья и усевшуюся.

Ритуал завершился.

* * *

Шли века. Империи и тысячелетия сменяли друг друга. Остатки Великого Дома Людъ нашли прибежище в Тайном Городе, уступив благодатную Землю более удачливым расам, а Ключ-Камень продолжал скреплять древнюю клятву, позволяя зеленоглазым людям считать сей мир своим домом.

Он больше не высился над простором, укрывшись в водах своего озера, и давно стерся из памяти, превратившись для людов в утерянный символ, в исчезнувший памятник временам, когда крылья танцующего журавля простирались над всей планетой.

Впрочем... Ключ-Камни иных империй: асуров, навов и чудов – пребывали в том же забвении, скрепляя мир, продолжающий жить, с кровью, которая почти высохла.

Глава 3

Миша Злобин влюбляется с первого взгляда, а профессор смущает незрелые умы

Позже он частенько задумывался: с чего же все началось? Вся эта цепочка причин и следствий, которая в итоге привела к кошмарному финалу? Где и когда надо было сделать шаг в другую сторону и сойти с губительной тропинки? Развилки на самом деле было много, но каждый раз он сворачивал не туда.

А началось все банально.

С того, что он влюбился.

Подобная напасть случалась с Мишей Злобиным регулярно, два-три раза в год, если не считать мелких амурных приключений, длившихся до утра, до конца уик-энда или до возвращения родителей с дачи, и с любовью, по большому счету, никак не связанных.

Но на сей раз все было по-настоящему: с первого взгляда и на всю жизнь. Или не на всю... или до очередной встречи с очередной девушкой своей мечты.

Длинный острый предмет, именуемый стрелой Амура, сразил Мишу в читальном зале районной библиотеки им. Мандельштама, где Злобин оказался в общем-то случайно. Он принадлежал к поколению, считающему, что при наличии Интернета нет никакого смысла засорять легкие книжной пылью, понятия не

имел, где находится районная библиотека, хотя квартировал храм знаний в трех кварталах от его дома, и, возможно, в жизни не переступил бы его порог, но в библиотеке намечалась встреча с Германом Адмираловым, и пропустить ее Миша никак не мог. Адмиралов писал книжки жизненные, полезные и нужные, в частности был автором «Энциклопедии выживания» и «Энциклопедии кладоискателя», которые Злобин проштудировал от корки до корки и весьма ими впечатлился. Особенно понравилась вторая, про клады. Автор поражал тотальной осведомленностью обо всех обнаруженных и еще не обнаруженных сокровищах, и складывалось впечатление, что, если он чего не знает, того и знать не стоит.

Кладоискательство было последним Мишиным увлечением (предпоследнее – дайвинг, препредпоследнее – руфинг). Еще зимой Злобин стал счастливым владельцем металлоискателя «Гаррет-250», а потом два месяца нетерпеливо ждал, когда оттаит земля, чтобы начать рейды по нежилым деревушкам, по руинам старинных зданий, в общем, по тем местам, где зажиточные граждане во времена давних войн и смут прятали кубышки с монетами и сундучки с драгоценностями. Миша не сомневался, что «Гаррет» в мгновение ока приведет его к богатству, однако ожидания не оправдались. Нет, весна-то наступила, в полном соответствии с календарем, и исправно принесла тепло, а вот старинные здания лишь посмеялись над юным Индианой Джонсом, оставив его без достойных упоминания трофеев. Пара обезлюдивших деревушек, где Миша побывал, тоже не порадовали находками, зато похвастались невообразимым количеством ямок, оставленных коллегами по увлечению.

Оказалось, что любителей побродить с металлоискателем у нас гораздо больше, чем нежилых деревень и уж тем более – богатых кладов.

Отчаявшись, Злобин стал искать удачу в чистом поле, поскольку вычитал, что чуть ли не с языческих времен у русских пахарей имелся обычай: весной, начиная вспашку, зашвырнуть в поле монетку на удачу; так что места, где из года в год пахали несколько веков, кладоискатели весьма уважают. Но и поля Злобина разочаровали. Ходишь, ходишь, иногда прибор пищит, хватаешься за лопату, чтобы откопать вместо монеты детальку от трактора или пробку от пивной бутылки.

Конечно же, Миша всерьез не рассчитывал сильно разбогатеть – это уже дополнительный бонус, не каждому опытному поисковику такое удастся. Но отдельные-то монеты люди с полей привозят, и немало привозят – целые

коллекции собирают, а у него до сих пор всякая ерунда: пара ржавых гвоздей, правда старинных, вручную кованных, кусочки медных поясков от снарядов, найденные в местах былых боев, да медная же пуговица, на вид вроде и старинная, но простенькая, без герба.

Даже ни единой крохотной серебряной «чешуйки» не попалось, хотя кладоискатели заслуженно называют ее «царицей полей», поскольку пахари древних времен жертвовали богу плодородия монеты самого мелкого номинала.

В общем, Злобин явно делал что-то не так.

А в Интернете профильные форумы и сообщества пестрели отчетами об успешных рейдах и фотографиями наиболее ценных трофеев: екатерининских серебряных рублей и николаевских золотых червонцев. Но о самом главном коллеги на форумах умалчивали: ни слова о том, как вычисляли место, куда стоит выезжать, или о том, как в этом месте определить наиболее перспективные зоны поисков. И именно поэтому Миша решил подналечь на теорию и изучить опыт успешных собратьев по увлечению.

Он зарегистрировался на нескольких кладоискательских ресурсах, вступал там в диалоги и пытался напроситься в компанию к кому-то опытному. Но каждый раз получал отказ, иногда вежливый, иногда не очень – кому охота учить конкурентов на свою голову?

Отдушиной оказалась «Энциклопедия кладоискателя». Ее автор, в отличие от прочих, не жадничал и не скрытничал, рассказывал как есть и рассказывал интересно. Но некоторые дополнительные вопросы Миша все же хотел ему задать. В дебрях сети он обнаружил блог Германа Адмиралова, в котором скупко сообщалось о выходе новых книг, поездках на книжные форумы и ярмарки, о прочих мероприятиях, в числе которых оказалась встреча с читателями на соседней улице. Злобин эту встречу отметил и в результате впервые за минувшие после института годы очутился в библиотеке.

Увы, но вместо встречи с корифеем выживания и кладоискательства Мишу поджидал большой облом. Зато в качестве компенсации от судьбы-злодейки он получил встречу с удивительной девушкой...

* * *

Впрочем, сначала все-таки случился облом.

Который принял облик пожилой сотрудницы библиотеки: увидев в руках Злобина «Энциклопедию кладоискателя», она тут же сообщила Мише, что вы, дескать, ошиблись, и сегодня встреча не с этим автором. Как? Почему? Да-да, намечалась, но перенесена, объявление всю неделю на дверях провисело, что же вы не прочитали? Адмиралов будет в следующем месяце, как всегда, в третий четверг в девятнадцать ноль-ноль. Но вы не уходите, молодой человек, не уходите, сегодня не менее интересная встреча, придет профессор Челоян, автор книг...

Она произносила какие-то названия, даже пыталась давать краткое содержание книг Челояна, но Миша не стал слушать: выругавшись про себя, он решительно направился к выходу, но не дошел.

Потому что увидел Ладу.

Вернее, что девушку зовут Ладислава и что она именно так сокращает свое красивое и редкое имя, Миша узнал позднее. А в тот момент просто понял, что встретил девушку своей мечты. В очередной раз встретил, но сейчас, наверное, без ошибки. Ошибкой было думать такое о предыдущих, встреченных в барах, клубах и тому подобных заведениях, а тут все-таки библиотека...

В глубине души Миша был романтиком и верил в любовь с первого взгляда и до гробовой доски.

Читальный зал библиотеки отнюдь не ломился от почитателей профессора, свободных мест хватало, но Миша, естественно, присел рядом с девушкой, предварительно спросив дозволения. Она ответила равнодушным взглядом и согласие дала без слов, кивком головы. Он не смутился, уселся и задумался, с чего начать разговор. В барах и клубах проще, туда одинокие девушки идут чаще всего с конкретной целью, а тут все же храм культуры, да еще и мероприятие специфическое. С другой стороны, светловолосая красавица никоим образом не подходила под определение «книжный червь» или «синий чулок»: одежда модная, фигура спортивная, прическа с косметикой вполне на уровне. А что не дура пустоголовая, сразу было понятно – тех в «читалку» не

заманишь.

До анонсированных девятнадцати ноль-ноль оставалось десять минут, потом профессор припозднился, и доставшиеся ему четверть часа Миша использовал с толком. Хотя поначалу казалось, что вечер все-таки пропадает: на первые его шутки соседка не улыбалась, на забрасываемые удочки не реагировала, отвечала односложно и всем видом демонстрировала, что знакомиться не расположена. Но затем все изменилось. Взгляд девушки скользнул по обложке книги, которую Злобин положил на колени, и неожиданно стал заинтересованным. Разговор завязался, а Миша понял, что адмираловская энциклопедия все-таки помогла ему найти клад и он будет дураком, если упустит сокровище.

Злобин распустил хвост павлином и принялся азартно, а главное уверенно, рассказывать о своих кладоискательских подвигах, преувеличив успехи в разы, а то и на порядки: пятак позднесоветских времен чудесным образом превратился в николаевский червонец, а медный пояс от снаряда – в остатки вышитого золотом пояса XIX века. В голове вертелась шальная мыслишка: а вдруг уже сегодня новая знакомая согласится взглянуть на коллекцию? Видения возможного свидания сладко томили, речь лилась рекой, и, помимо кладоискательских подвигов, Миша поведал о занятиях дайвингом: раз уж девушка ведется на романтику, нужно упомянуть обо всем.

Но тут появился Челоян, и стало не до разговора.

Профессор выглядел... как типичный профессор из голливудских лент: среднего роста, тощий, на голове копна слегка растрепанных седеющих волос, взгляд сквозь линзы очков самый профессорский, с долей безумия. Ничего армянского в его облике не наблюдалось, и речь звучала чисто, без кавказского акцента.

Научного деятеля Миша слушал вполуха, не вникая, и мечтал об одном: чтобы тот побыстрее закруглился. Понял лишь, что Челоян специализируется на истории, причем на какой-то альтернативной версии, но все хитроумные построения и парадоксальные выводы прошли мимо Злобина. И не только потому, что Миша думал лишь о Ладе: Челоян явно подразумевал, что имеет дело с подготовленной аудиторией, часто использовал странные термины, прыгал с темы на тему да вдобавок постоянно ссылаясь на свои книги, Мишей не читанные. От этого слушать становилось еще скучнее. Порой Челоян упоминал знакомые имена и события – то Чингисхана, то Ледовое побоище, – но они все

равно не позволяли понять суть концепции, да Злобин и не пытался.

Вступительная речь закончилась, наступило время вопросов и ответов, и тотчас выяснилось, что Лада забрела сюда не случайно: именно она задала едва ли не половину прозвучавших вопросов, и были они, судя по всему, профессору наиболее интересны, поскольку отвечал он охотно и развернуто.

Любая другая девушка в подобной ситуации заслужила бы от Миши ярлык сектантки. Но влюбившимся с первого взгляда свойственно прощать объекту любви маленькие слабости.

И он простил, и даже решил полистать как-нибудь на досуге труды Челояна.

Позже Злобин, разумеется, напрочь позабыл о том своем решении, а еще позже – пожалел о подобной забывчивости.

* * *

На встречу с Адмираловым Миша все-таки сходил, он не любил отказываться от задуманного, однако встреча разочаровала и Мишу, и, похоже, самого Адмиралова: народу пришло мало, даже меньше, чем собралось послушать байки Челояна, к тому же больше половины собравшихся составляли люди случайные, адмираловских книг не читавшие, но привыкшие ходить в библиотеку им. Мандельштама каждый третий четверг месяца к девятнадцати ноль-ноль. Для Злобина, намеревавшегося задать автору кое-какие вопросы, малолюдь было только на руку, но разговор не сложился. Корифеем выживания и кладоискательства отвечал так уклончиво и скользко, что у Миши возникло нехорошее подозрение, что ничего этот тип сам не писал, а накопал в Сети рассказы действительно знающих людей, свел их и обработал в едином стиле. Не совсем плагиат, конечно, но нечто весьма к тому близкое.

Разочарование в авторе на Мишино уважительное отношение к энциклопедиям не повлияло: вещи все-таки правильные изложены, не важно, что Адмиралов их у кого-то украл. Да и два вечера, проведенные в библиотеке, не прошли впустую, если вдуматься – знакомство с Ладиславой стоило потраченного времени.

С другой стороны, отношения за месяц у него с девушкой сложились... какие-то странные, мягко выражаясь.

Секса у них не было. А вот так: не было, несмотря на то что Лада несколько раз побывала у Миши дома. Они даже не целовались. Черт возьми, даже не целовались!

И Злобин не мог взять в толк, отчего так происходит.

По всему видно, что Лада испытывает к нему интерес, но как-то так получается, что в ее присутствии вся сексуальная компонента из Мишиных мыслей исчезала. Нет девушки рядом – все идет как положено, мысли и желания правильные, какие и должна вызывать у двадцатичетырехлетнего здорового парня красивая молодая девушка. А останутся наедине – плотское влечение как ножом срезает, словно перед свиданием ударную дозу успокоительного ему кто-то впрыскивает. Наваждение какое-то, колдовство...

«Может, она в духи какое-то отворотное зелье добавляет?» – думал Миша не совсем всерьез.

Эх, если бы он мог заподозрить, что шальная догадка недалеко от истины...

Если бы...

«Знал бы прикуп – жил бы в Сочи». И ни под каким видом не переступил бы порог районной библиотеки.

Но, несмотря на странности в отношениях, расстаться с девушкой Злобин отчего-то не мог. Стоило ему услышать ее голос в телефонной трубке, как мир вокруг начинал играть яркими красками, а все мысли и стремления сосредотачивались на том, чтобы поскорее увидеть замечательную Ладу.

Так и жили.

Встречались один-два раза в неделю и ходили по музеям – концертам – выставочным залам, иногда завершая вечер ужином в ресторане. И на нескольких лекциях Челояна побывали, не без того, причем порой они случались

в настолько далеких выселках, что добраться туда само по себе было приключением, а уж выехать поздним вечером – вообще полный экстрим.

Возможно, Лада надеялась сделать из Миши единомышленника, еще одного «свидетеля Челояна», но не преуспела: Злобин завиральными историческими теориями профессора не проникся. Напротив, начал тихо ненавидеть их автора, резонно полагая, что выдумки Челояна отвлекают девушку от него и получается, что он не ее парень, а так, сбоку припека, компаньон в хождениях на глупые лекции. Из-за которых он совсем забросил свои кладоискательские походы. Позабывший «Гаррет» уныло пылился в кладовке, рядом с гидрокостюмом, а карты маршрутов не покидали ящик письменного стола.

И неизвестно, как долго бы это продолжалось, если бы в конце мая Лада не сделала парню предложение. Не руки и сердца, разумеется, нет. Девушка пригласила Злобина в июле отправиться в экспедицию. В небольшую, самостоятельную и призванную подтвердить теорию профессора Челояна экспедицию на Ладугу. Придется много нырять и отыскивать древние исторические артефакты – как раз по Мишиной специализации.

Он смутился, не зная, что ответить. Истории о подводных и кладоискательских подвигах – якобы своих – были им почерпнуты в Интернете, и в «поле» наверняка станет ясно, чего он в действительности стоит. Но поехать очень хотелось, ведь это означало провести с девушкой почти три недели и почти наедине...

Что решить?

В общем, Злобин сомневался, но она подошла, положила руки ему на плечи, и Миша утонул в ее бездонных зеленых глазах... И вынырнул, лишь когда Лада впилась в его губы долгим поцелуем. Их первым поцелуем.

И сомнения исчезли. В конце концов, в маленькой компании дилетантов-псевдоисториков Миша будет единственным, кто хоть что-то понимает в дайвинге и кладоискательстве, так что вполне может сойти за профессионала. И не важно, что дайверский сертификат CMAS у него с одной звездой, означающей первичный, базовый уровень подготовки, а количество погружений можно пересчитать по пальцам.

И он согласился.

Наверное, то была вторая – после встречи в библиотеке – точка разветвления. И Злобин многое бы отдал, чтобы вернуться и все переиграть, но такое, увы, возможно лишь в компьютерных играх.

Глава 4

«Помста» наносит удар, а Олесь Гацкан забредает не туда

Вечером третьего дня – последнего из отпущенных рою «Помста» на выполнение задания – синоптики обещали сильный дождь. Обещали и вопреки обыкновению не ошиблись: полил, что называется, стеной.

Мало кто любит ненастье, но Олеся Гацкана ливень обрадовал, поскольку это была идеальная погода для акции. Лишний народ по улицам не шатается, большинство потенциальных свидетелей сидит дома, а если кто из сидящих имеет нехорошую привычку глазеть в окно, то толку от этой привычки не будет: поди разгляди за сплошными струями дождя номер машины или приметы человека.

Тем не менее машину Гацкан и двое бойцов оставили в квартале от дома Полковника, припарковав в тени, подальше от фонаря. Оставшееся расстояние преодолели быстрым шагом, прикрываясь зонтами. Впрочем, кварталы в этой части Клина невелики, и перекрестки следовали через каждые два участка.

Улица у дома пуста, ни единого прохожего, у ограды никого, на участке тоже. Впрочем, неудивительно для столь дождливого вечера. Машины по Серебристой и прилегающим переулкам проезжали в это время крайне редко: местные жители, в основном добропорядочный средний класс – почти все уже дома, расслабляются после трудового дня у экранов, потребляя очередную дозу теленаркотика или интернет-наркотика, кто на что подсел. И Олесю вдруг сильно хотелось разнести это сонное болото: пройтись от дома к дому, закидывая в окна фосфорные гранаты, а затем короткими очередями расстреливая выскакивающих безоружных людей, как делал это он совсем недавно... Но пока не время. Гацкан надеялся, что время настанет и готов был перестрелять всех врагов для его приближения.

Возле калитки троица не задержалась. Замок вскрыли самым немудреным способом, при помощи электрошокера: трехсекундный разряд – и готово, мощный магнит больше не удерживает «язычок» замка в нужном положении. Скоро электроника оправится и вновь подаст напряжение на соленоидную катушку, но это не страшно, потому что Пасюк заблокировал замок в открытом виде. Затем быстро пересекли участок и подошли к гаражу. Планируя рейд, Гацкан рассуждал так: дедушке сто лет в обед, медсправку для продления водительских прав в таком возрасте получить трудно, врачи всегда найдут к чему придраться. Значит, гараж или не используется, или задействован под склад солений-варений, и нет никакого резона – в отличие от входной двери – устанавливать на его ворота дополнительную сигнализацию либо надежный замок. А мастер-ключ от стандартного лежал у Гацкана в кармане – купленный у менеджера по продажам строительной фирмы «Криница».

И мастер-ключ не подвел: замок щелкнул, и ворота гаража начали медленно подниматься. Когда проем достиг трехфутовой высоты, Товстун поднырнул под створку и, держа наготове пистолет с глушителем, неслышной тенью скользнул внутрь дома. Гацкан и Пасюк задержались, но, услышав едва различимый свист, присоединились к подельнику.

Как, впрочем, и ожидалось, машины в гараже не оказалось. Тут вообще было пусто: ни автомобиля, ни автомобильных причиндалов, обычно сопутствующих его хранению, ни банок с заготовками, ни инструментов или остатков строительных материалов – ничего. Голый пол, голые стены.

И самое интересное для убийц – электрощит.

Он, так же как замок гаража, оказался стандартным: входной счетчик, выстроившиеся в вертикальный ряд УЗО и четыре двадцатипятиамперных автомата – к ним Гацкан и потянулся, по очереди нажав на красные кнопки и обесточив дом. Вернее, нужную половину дома. Остается немного подождать и поставить финальную точку.

Расчет был прост. Что сделает нормальный человек, если у него погаснут электроприборы? Человек выглянет в окно, увидит свет в соседских окнах, поймет, что проблема случилась только у него, возьмет фонарик или запалит свечку и отправится устранять проблему. В данном конкретном случае он сначала подойдет к небольшому щитку, что расположен наверху, где стоят УЗО,

предохраняющие от скачков напряжения осветительные приборы. Но там все окажется в порядке, и дедуля пошаркает в гараж, к главному щиту. И эта прогулка станет для него последней.

Луч фонарика погас. Пасюк – именно он должен был поставить в истории свинцовую точку – опустил на лоб прибор ночного видения и занял позицию у двери. Олесь Гацкан встал так, чтобы при необходимости подстраховать побратима, но не угодить под шальную рикошетную пулю.

Секунды капали и превращались в минуты. Старый хрыч не появлялся. И никаких звуков в доме не раздавалось.

Стояла мертвая тишина...

Гацкан поначалу делал скидку на старческую медлительность, но прошло десять минут, затем пятнадцать, и даже ему стало ясно, что план не сработал. Возможно, объект не заметил отключения электричества, задремав у телевизора, или же не может спуститься по иной причине.

Для такого развития событий имелся план «Б»: самим подняться наверх и закончить дело там.

* * *

Побратимы ушли, Товстун остался в гараже один. Вертел головой, контролировал и улицу, и дверь, ведущую наверх, и был готов стрелять в любого, кто появится.

Но никто не появлялся. И сотник с Пасюком не возвращались, хотя коттедж был невелик, и на поиск дряхлого кацапа времени требовалось немного. Но побратимы не возвращались, и не возвращались, и не возвращались...

И показалось, что безмолвный дом бесследно проглотил бойцов. Были – и не стало.

У Товстуна все чаще возникало желание достать из кармана рацию и выйти на связь с сотником, но Гацкан строго-настрого приказал использовать связь лишь

в исключительном случае, и Товстун крепился. Вспоминал, что однажды Олесь до смерти забил задремавшего на посту парубка, и крепился. Но через пятнадцать минут тревога одолела страх, и Товстун решил: еще пять минут, и выходит на связь, а там будь что будет... Теперь он больше смотрел на секундную стрелку часов, чем за окошечко гаража. Светящаяся стрелка наматывала круги нестерпимо медленно, а когда обежала циферблат пять раз, Товстун выждал еще полминуты, затем вытянул из кармана рацию и включил ее. Вернее, попытался включить. Нажал на нужную кнопку, но рация не подала признаков жизни: не загорелся светодиод, из динамика не послышался характерный шорох.

Как ни странно, неприятность даже обрадовала Товстуну: за исправность технического оборудования отвечал не он, а поломка рации – это ЧП, заслуживающее немедленного доклада командиру. Мало ли что, может, наверху что-то пойдет не так и понадобится его помощь, а связь пропала.

За дверью Товстун обнаружил небольшой тамбур и лестницу. Прибора ночного видения у него не было, фонарь он включать не стал, чтобы окончательно не разозлить сотника, поэтому поход на следующий этаж получился неспешным. Поднявшись, Товстун оказался не то в обширной прихожей, не то в небольшом холле, в который вели четыре двери. Одна приоткрыта, за ней вроде бы санузел, по крайней мере смутно белеет нечто, напоминающее сантехнику. Из-под дальней двери выбивается полоска света, слабая-слабая, голубоватая, а значит, источник света, скорее всего, не люстра или торшер, а экран телевизора или монитор компьютера.

Дело отчасти прояснилось. Наверняка у старого хрыча стоит на компьютере аварийный блок питания, как раз на случай отключения электричества. А он, хрыч, был чем-то важным занят, таким, что не оторваться. Может, отвечал на срочное письмо. Или в игрушку резался. Вот и не пошел к электрощиту...

Но куда подевались хлопцы?

Товстун распахнул дверь, ту самую, со слабой полоской света. Прыгнул внутрь, тут же уйдя с линии огня – рефлекс чистой воды, никаких подвохов от старичка он не ждал, и замер, готовый стрелять.

Но цели не оказалось.

Комната действительно освещалась стоящим на столе монитором, однако кресло перед ним пустовало.

«Что за игру затеял старый хрыч? Дописал свое неотложное письмо, отправил и... И что?! Поплелся заниматься другими делами при свете свечки? Даже не полюбопытствовав, отчего вырубилось электричество?»

Слева послышался негромкий звук, хотя Товстун только что осмотрел комнату и никого там не приметил. Он обернулся, увидел старика и выстрелил. Глушитель превратил грохот в тихий хлопок.

«Вот и все!»

Лишь после этого Товстун разглядел противника. Божьим одуванчиком тот ни в коей мере не выглядел – ростом и размахом плеч не уступал, пожалуй, Пасюку, хлопцу на редкость габаритному, но белоснежно-седая шевелюра и глубокие морщины, изрезавшие лицо, не позволяли усомниться в том, что в углу комнаты находился объект ликвидации.

Правда, объект обязан был сейчас падать на пол, прижав ладонь к пулевому отверстию в груди, однако не падал. Хуже того, Товстун разглядел пистолет в его руке, причем тоже с глушителем, и в огромной лапище старика оружие казалось маленьким и несерьезным.

Увидев пистолет, Товстун машинально выстрелил, на этот раз дважды, тут же услышал ответные хлопки, попытался уйти с линии огня, но невидимый кулак уже ударил его в грудь, развернул и швырнул к компьютерному столу.

Пистолет выпал из руки, но Товстун этого не заметил, он прилагал все силы, чтобы остаться на ногах, вцепившись руками в высокую спинку кресла. Почему-то сейчас казалось самым важным не упасть. Но кресло предательски поехало в сторону, Товстун рухнул, так и не разжав пальцы, кресло опрокинулось на него и сильно ударило по голове. Но бандит этого не почувствовал. Сейчас он вообще ничего не чувствовал, кроме безмерного удивления, вызванного тем, что его пули, оказывается, тоже не миновали цель, которая...

Которая...

Цель – окровавленная, скорчившаяся, отброшенная пулями к стене, хрипящая от боли и ругающаяся от страха, – цель оказалась отнюдь не давешним стариком. Нет. Синюшный свет монитора падал на умирающего Пасюка, и умирающий Товстун не мог взять в толк, как же он умудрился столь глупо обознаться.

На роже Пасюка тоже застыло изумление, но, может быть, так лишь казалось.

Картинка перед глазами Товстуна помутнела, начала расплываться, он открыл рот, намереваясь позвать сотника, да так и издох – с открытым ртом. А за секунду до этого в ад проследовал Пасюк.

По дорожному наборному паркету расползалась кровь, кажущаяся черной в неестественном свете монитора.

* * *

Гацкан так и не понял, действительно ли он слышал хлопки выстрелов или же ему почудилось.

Они с Пасюком поднялись по той же лестнице, по которой чуть позже пошел Товстун, тоже увидели пробивающуюся из-под двери полоску голубоватого света, после чего Гацкан пришел к тем же очевидным выводам и жестом послал Пасюка в комнату. Тот кивнул и мягко проскользнул в дверь, которая закрылась за ним. В короткий миг, когда дверь была отворена, Олесь действительно увидел мерцающий на столе монитор.

Дальше Гацкан ожидал услышать хлопок выстрела, но вместо него донесся странный звук, напоминающий шипение выходящего из баллона газа. А вместе с ним слышалось то ли шуршание, то ли шорох. Звуки доносились из комнаты, соседствующей с кабинетом – так мысленно обозвал освещенное помещение сотник.

Мелькнула мысль, что дед мог оказаться хитрее, чем они рассчитывали, увидел вооруженных гостей с помощью скрытой камеры с автономным питанием и спрятался. Решив так, Гацкан толкнул дверь, шагнул через порог, мимолетно пожалев, что не прихватил прибор ночного видения для себя, включил фонарь и огляделся.

Внутри было тепло, даже жарко, и влажно – совсем не так, как в остальном доме. А еще чем-то пахло, но чем именно, сразу не определить: сложный коктейль, где ощущался и аромат переспевших, гниющих фруктов, и жирной, богатой перегноем земли, и вроде бы цветов (Гацкан не был уверен, он не любил цветы и никогда не дарил их женщинам).

А в следующий миг фонарь погас.

Этого не могло случиться, поскольку фонарик по давнему совету наставника Олесь приобрел в магазине, торгующем дайверским снаряжением: компактное и мощное устройство стоило на порядок дороже китайского ширпотреба, но могло светить под водой, даже на трехсотфутовой глубине, выдерживало падение на асфальт с изрядной высоты и было тщательно проверено перед акцией, но...

Не могло – и все же случилось.

Видимо, сдох аккумулятор.

Если бы Гацкан знал, что у его подчиненного в это же время и столь же неожиданно вышла из строя рация, он, возможно, отнесся бы к поломке фонаря с большим подозрением и тревогой. Но Гацкан не знал. И пока не тревожился: не того масштаба неполадка, чтобы испортить операцию.

Темнота сотника не смущала, однако звуки, которые привлекли его в комнату, больше не слышались, и возник вопрос: что дальше?

Позвать Пасюка? А почему он до сих пор не явился? Если в кабинете никого нет, то что делает там Пасюк? Почему не выходит?

Глаза постепенно привыкали к темноте, не такой уж непроглядной, и сотник подумал, что его мимолетная догадка об оранжерее близка к истине: впереди виднелись переплетения ветвей и стеблей. Но откуда они растут, было не разглядеть, поскольку отблески уличных фонарей не освещали нижнюю часть помещения.

Если старик здесь, то в его действиях, надо отдать должное, просматривалась определенная логика: в зарослях прятаться куда удобнее, чем испытывать

судьбу, забившись в шкаф или под кровать.

Скорее всего, из оранжереи имеется второй выход, и нельзя позволить объекту им воспользоваться. Сейчас нужно подождать, пусть противник первым не выдержит и выдаст себя.

Гацкан замер.

И вскоре звуки действительно раздались. Но не те, что ожидал сотник: в глубине дома вроде бы несколько раз выстрелили. Затем выстрелы – если это действительно были они – стихли, и в оранжерее установилась прежняя тишина.

И никаких вестей от напарника.

Тишина действовала на нервы, и сотник собрался было выйти из оранжереи, но тут, словно почувствовав его желание, снова послышалось давешнее шипение.

Олесь прижался к стене и выставил перед собой руку с пистолетом. Ждал, пока зрачки расширятся достаточно, чтобы хоть что-то разглядеть... Но ничего разглядеть не успел, потому что все произошло почти мгновенно.

Нечто невидимое ударило убийцу по ногам и опрокинуло на пол. Одновременно Гацкан нажал на спуск. Попал, нет – не понял, глушитель погасил не только звук, но и пламя выстрела, способное хоть на миг рассеять тьму.

Он почувствовал, как грудь жестко, до хруста, кольцом сдавила невидимая сила и она же притиснула руки к туловищу. Пистолет выпал, и сотник потянулся пальцами правой руки за ножом в надежде использовать крохотный шанс на спасение, но не преуспел.

Невидимые петли захлестывали его все новыми витками – выше, выше, выше... Ребра ломались с хорошо слышным звуком, их острые обломки кромсали плоть. Боль была адская.

Пальцы все-таки дотянулись до ножа по инерции, поскольку боль убила все мысли и все намерения, но едва они коснулись рукояти, когда страшное давление обрушилось на шею. Треск позвонков показался грохотом пушечного

выстрела. Темнота вспыхнула ярко-оранжевым пламенем и вновь погасла.

Для Гацкана самое болезненное закончилось, он перестал ощущать и боль, и вообще свое тело, чувствительность и подвижность сохранили лишь мышцы лица. Но зрение, слух и способность мыслить никуда не исчезли, хотя сейчас сотник предпочел бы отключиться, чтобы прийти в себя где-нибудь в нормальном месте, пусть даже на больничной койке, и пусть это будет даже кацапская больница, наплевать.

Но его пожеланиями никто не заинтересовался.

Вновь послышалось шипение, на сей раз просто оглушительное. Источник его был совсем рядом, где-то возле затылка. Гацкан попробовал обернуться туда, но не сумел.

Что-то коснулось волос – легонько коснулось, почти нежно. А затем сотник перестал видеть то небольшое, что до сих пор мог видеть, голова его оказалась во влажном и тесном плену, влага липла к лицу и все сильнее щипала кожу. Гацкан инстинктивно опустил веки, чтобы уберечь глаза. И столь же инстинктивно попытался заорать, но не сумел, воздуха в раздавленных легких не хватило на крик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/tochinov_viktor/dokazatel-stvo-sily

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)